148476

Пр. 38

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЯХЪ

СѢВЕРНАГО КРАЯ

СОБРАННЫХЪ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

СК

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, № 7.
1872.

ПРОВЕРЕНО
1958 г.

...ть всякая философская рефлек...
...автор, Шеллинг не дает четкого...
...я природы, набрасывая эскизы (ч...
...ических идей без их сущностного о...
...вполне применимы слова Ф.Энгельса ...
...софы относятся к диалектической наук...
...как утописты к научному коммунизму.
...прогрессивной философии природы Шеллинга ...
...ли не прямо реакционное в силу своего ар...
...и иррационализма учение о познании. Поздня...
кая философия Шеллинга своими корнями уходит ...
раннего периода его творчества. Согласно Шелл...
ское познание возможно только посредством "ин...
ного всматривания", которое является одноврем...
ческим актом, и взором бога на свое творение.
"Интеллектуальное созерцание" Шеллинг сра...
том созидания произведения искусства, помеща...

Инв. 636.
891.7-91
Б. 26. П.
148476.
ПРОВЕРЕНО
1948 г.
ПЕТРЪ МОЛЕВЧИЧЪ
БЫШБЕРГЪ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЯХЪ

СѢВЕРНАГО КРАЯ

2410

СОБРАННЫХЪ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

Томский Гос. Университет им. В. В. Куйбышева
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Кабинетъ Карла Маркса при Томском Рабфак.
Кабинетъ Русскаго языка и литературы. Томскій Университетъ.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, № 7.
1872.

Дозволено цензурою Москва, 6 іюня 1872 г.

Томский Гос. Университет им. В. В. Куйбышева
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЯХЪ СѢВЕРНАГО КРАЯ.

Петръ Великій—первый изъ царей заѣхалъ въ нашъ сѣверный край и обозрѣлъ губерніи Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую. По душѣ пришлась ему эта суровая, дикая и непостоянная природа сѣвера. Мхи дыбу́чіе, горы толкучія и озера свирѣпыя стоятъ здѣсь и́споконъ вѣку; въ лѣсахъ витаютъ здѣсь звѣри съѣдучіе и змѣи клевучія, на водахъ бушуетъ на́дара—погода непомѣрная. Тяжелую борьбу ведетъ здѣсь человѣкъ съ враждебной природой: чтобы только поддерживать здѣсь свое существованіе; нужно имѣть «силу звѣриную, потяги́ надо держать лошадиные».

Безстрашный и гордый живетъ здѣсь народъ; жизнь давно научила его и ковать желѣзо, и строить суда, и бороться съ вѣтромъ.

Было гдѣ расходиться богатырской натурѣ Петра «въ этихъ лѣ́шіихъ болотахъ, лѣшіихъ озерахъ и мхахъ дыбу́чіихъ». По душѣ пришлись ему и эты бурлаки, мужики—уда́лы, полѣсовщики, лодошники, рудокопы и торговые люди. Не богатство только лѣсовъ, не множество только горныхъ породъ встрѣтилъ онъ здѣсь, но и силы, знакомыя съ судостроеніемъ и горнымъ промысломъ. Онъ всюду наталкивался здѣсь на нужды народа и возводилъ ихъ въ нужды государственныя.

Понятно, что такой царь не могъ быть забытъ своимъ народомъ. И дѣйствительно, здѣсь помнятъ и его время и его дѣла; помнятъ его походы, его по́ступи и его замашки.

Пусть разсказы о томъ будутъ не всегда точны въ историческомъ отношеніи, но они дороги тѣми нравственными чертами, въ которыхъ рисуется народный образъ Петра I-го.

I.

Разсказъ о томъ, какъ Петръ великій ѣздилъ въ Соловки на богомолье.

Разсказъ этотъ начинается какимъ-то до-историческимъ преданіемъ о томъ, почему бурно Ладожское озеро. Три черты великаго Петра отражаются въ этомъ разсказѣ. Народъ подмѣтилъ, во 1-хъ, что стихія его генія это—море: здѣсь онъ не побѣдимъ и наказываетъ Ладожское—глупое море. Не укрылась отъ народа и другая черта его характера: это всюду проникающій и испытующій взоръ Петра; вотъ пріѣзжаетъ онъ въ монастырь Климецкій и тотчасъ начинаетъ допытываться, дѣйствительно ли есть тамъ мощи преподобнаго Іоны. Но если, по народному представленію, онъ могучъ и властенъ на морѣ, то здѣсь онъ побѣждается чудесною силою святыни. И наконецъ третья черта: Петръ не терпитъ ослушанія и тотчасъ казнитъ одного самовольнаго заводчика, какъ скоро тотъ не послушалъ его царскаго слова. Но вотъ и самый разсказъ:

«Въ досюльщину стародревнюю, тишь и гладь была на Ладожскомъ озерѣ, ѣздили на плотахъ—не умѣли еще дѣлать лодокъ; на плотахъ же сбирались дѣвицы и мо́лодцы и караводились и играли кругама и шинама. Прогнѣвался Господь на беззаконія этыхъ людей, и явился сонъ одному человѣку богобоязненну: «по утру будешь ты похожать на промыселъ сѣтей, рюсей и мережъ и выстанетъ ножъ на сѣти твоей, и ты отруби сѣть по тыхъ мѣстъ, гдѣ выстанетъ ножъ, и скорѣе—къ берегу; завтра сколыбается море». Вышелъ этотъ человѣкъ на промыселъ и сталъ похожать мережа, рюси и сѣти, и высталъ ножъ на сѣти его и онъ отрубилъ сѣть по тыхъ мѣстъ и поѣхалъ въ берегъ. Вдругъ стала буря-па́дара и трои сутки море горѣло погодою; кто имѣлъ жительство о Ладожское, нельзя было на улицу вытти—

страсть такая была. Утихло море черезъ трое сутки. Поѣхали ловцы по промыслу и въ берегу прибойномъ, куда волна катилась, нашли семьдесятъ *вачекъ* на одну руку [1]).

Послѣ этого Ладожское никогда тишиной, а все вѣтрами живетъ, и когда тихо, на немъ *стóлпни* [2]) ходятъ. Такъ было до Петра I.

Изъ Питера поѣхалъ Петръ I по Невѣ и по Ладожскому озеру; вдругъ поднялась буря—пáдара, погода непомѣрная; насилуй доплыли къ Сторожевскому носу (гдѣ маякъ Сторожевскій). Вышелъ царь на́ берегъ; кружи́тъ его—укачало сине море. «Ай-же ты мать сыра земля, закричалъ царь, Не колыбайся! не смотри на глупо, на Ладожское озеро»! Того часу приказалъ подать кнутъ и порѣшилъ наказать сердитое море. Мѣсто, гдѣ изволилъ наказать своима царскима рукама, звали» сухая луда, а съ тѣхъ поръ называется царская луда. Послѣ того Ладожское стало смирнѣе и тишину имѣетъ, какъ и прочія озера: это въ виду у насъ, замѣтилъ разскащикъ,—мы сами тамъ ѣздили и рыбу ловили.

За тѣмъ Петръ I имѣетъ разъѣздъ Свирью—два девяноста, Онегомъ—сто девяносто Пріѣзжаетъ въ Клименцы... Тогда монастырь препод. Іоны былъ въ затмѣніи. Пристали къ пристани. Царь къ Іонѣ преподобному зашелъ въ храмъ—испытать, есть ли мощи. Отдернулъ половницу, тыкнулъ тростью царской—жезломъ, и искра его оттуды засыпала. Царь скорѣе приказалъ устроить раку преподобному.

Тутъ заѣхали въ Пятину губу—къ древнему монастырю и, обворотя, поѣхали къ Конды (въ 7 верстахъ отъ Клименецъ, въ губѣ, 40 дворовъ). Остановились на якорѣ Царь приказалъ ѣхать на яликѣ за хлѣбомъ въ деревню. Пріѣхали на берегъ эты три человѣка въ деревнѣ все женщины—мущины нѣту; работаютъ на заводѣ на Бутманскомъ. Што это за какой же заводчикъ есть! спросили эты человѣки—гальетчики.—Тѣ отвѣчаютъ: мужики работаютъ у этого Бутмана [3]) зиму и лѣто съ годъ на

---

[1]) Это значитъ утонуло 70 человѣкъ. *Вачки*—это рукавицы изъ сукна. Разскащикъ такъ объяснилъ мнѣ происхожденіе этихъ вачекъ: Антоній Римлянинъ, говорилъ онъ, плывя по Ладожскому озеру, отдыхалъ у острова Птишево и здѣсь, увидѣвшись съ ладожскими рыболовами, подарилъ имъ вачки. Съ тѣхъ поръ оны и по сію пору.

[2]) Встрѣчныя волны.

[3]) Такъ называется датскій королевскій факторъ Андрей Бутенантъ, постро-

кругъ; зимой возятъ уголье, руду; лѣтомъ уголь жгутъ и руду сдымаютъ и рыбу ловятъ и озеро тутъ надъ верхомъ—Устрѣка.

Гальстчики оборотились съ хлѣбомъ назадъ и Петру I это слово объяснили, что Бутманъ какой-то заводчикъ есть и люди работаютъ у него на боярщинѣ: мущины единаго нѣтъ въ деревнѣ. Тутъ царь распорядился съ этыми людьмы—сказать этымъ женамъ, чтобъ онѣ снесли къ своимъ мужевьямъ его царское слово: Бутмана государь требуетъ. Услышалъ это Бутманъ, велѣлъ снарядить шлюпку, семь человѣкъ гребцовъ и двѣ пушки. Выѣхалъ на Онего—и этой ѣзды отъ устья до Клименецъ верстъ пятьдесятъ будетъ да отъ Іоны преподобнаго верстъ семь до гальета до царскаго. Пріѣзжаетъ Бутманъ къ гальету ко царскому, остановился за *стрѣлище* мѣсто (какъ картечъ хватитъ, саженъ за 40). Тутъ приказалъ онъ людямъ стрѣлять въ гальетъ царскій съ того борту и съ другаго. И то не отбой: надо тронуться этому Бутману къ царскому гальету. Царь приказалъ ему вытти съ гальёта на шлюбку и казнилъ его: Бутманъ былъ не русской,—самозванецъ. И по тыхъ лѣтъ все заведеніе его рѣшилось на Устрѣкѣ, какъ рѣшили ему житье его: годовъ семьдесятъ лежалъ этотъ заводъ впустѣ. Однажды мужики бесѣдами займовались: «а што, ребята, посмотрѣть, не попадетъ ли тамъ чего»? Стали перерывать землю; рублей на сто выкопали чугуну; балясины и и плиты—коловратный аршинъ [1]); мѣста высоки и наполнены чугуномъ.

ившій тамъ желѣзный заводъ съ крестьяниномъ Мерелисомъ. О томъ и другомъ упоминается въ актахъ Климецкаго монастыря—1686 г. по тяжбѣ съ кижскими крестьянами о пустоши Юхновской и Нижнемъ Порожкѣ на Устьяндомѣ рѣчкѣ (См. мою статью «Олонецкій монастырь Клименцы»). Народное преданіе считаетъ Бутенанта шведомъ.

[1]) Аршинъ долины и четверти три ширины.

Окромѣ заводовъ у Бутмана были погреба земляные. Петръ I-й хотѣлъ съ нимъ посовѣтовать—но Бутманъ своенравной былъ: я, скаже, безъ царя буду заводы вести.

Сидѣлъ однажды Бутманъ у мельницы—и вязалъ тони; тутъ на запрудѣ—на завалѣ земляномъ сидитъ мужикъ, не вѣдомо, какой и удитъ рыбу. И спрашиваетъ этотъ мужинъ Бутмана, што онъ дѣлаетъ? Я, говоритъ, дѣлаю тони. А мужикъ въ отвѣтъ: чертъ, скаже будутъ этта не тони, да лѣшей, скаже, буде этта и не рыба. Съ того времени вся вода тутъ высохла; ноньѣ покосъ на этомъ мѣстѣ.

Любопытно, что въ народной памяти сохранилось даже имя слуги Бутмана: звали его *Бенка*. Въ народныхъ разсказахъ представляется онъ полоумнымъ.

«Отъ Конды поѣхали на Вой-наволокъ: здѣсь трои сутки стоялъ на якорѣ гальётъ царскій,—была погода: да такъ и оставилъ Петръ I свое царское слово: «*вой наволокъ*». Отсюда—на Повѣнецъ, а тамъ больше рѣками до Сумы на ладьяхъ. Тутъ прибыли въ Соловецкую обитель—въ киновію. Царь по обычаю зашелъ въ храмъ къ преподобному Зосимѣ и Савватію и Герману, сослужилъ молебенъ и выѣхалъ въ море; стала сначала буря, а тутъ поднялся туманъ; ѣздилъ Петръ восемь сутокъ: никакого берега, не видать земли. На девятую ночь появился сонъ ему: «царю, былъ ты въ соловецкой киновіи, што же ты своима царскама рукама раки Святыхъ не замнулъ»? Высталъ царь и разсказалъ этотъ сонъ своимъ гальётчикамъ. Вдругъ въ его разсказѣ поднялся туманъ и показался монастырь верстахъ въ трехъ, не далѣ, отъ гальета. Опять, оборотя, поѣхали въ монастырь къ Зосимѣ и Савватію и Герману, въ киновію. Петръ сослужилъ молебенъ преподобнымъ, заперъ раки своима царскама рукама и ключи съ собой захватилъ. Тутъ рѣшилось его царское слово.»

Замѣчая историческую неточность разсказа, я спросилъ: какъ же такъ,—вѣдь Петръ I ѣздилъ въ Соловки черезъ Вологду, а не по Ладожскому и Онегу?

— Да онъ не разъ туда ѣздилъ, отвѣчалъ разскащикъ; онъ и путь эту проложилъ. До него слѣдовины туда не было. Отъ Соловковъ тронулся онъ съ войскомъ на гальетахъ къ Нюхчи—пристани, а тутъ прямо на Повѣнецъ, верстъ двѣсти безъ маленькаго; днемъ и ночью двигались по зыбямъ, трясовинамъ, по горамъ, по водамъ, по мхамъ дыбучимъ и лѣсамъ дремучимъ; лѣсъ рубили, клади клали, плоты дѣлали. Пріѣхали въ *Вожмосальму*, верстъ сто отъ пристани, наканунѣ праздника Ильи пророка. Пришли Выгозера съ церковнымъ старостой и просятъ Петра I на гостибье. «Буду, буду, сказалъ онъ, дожидайтесь».

Утромъ, въ праздникъ, снова пришли. «Нѣтъ, говоритъ, видно

Однажды сушилъ онъ сѣно на пожнѣ; вдругъ стала дождливая туча на верхъ подходить Этотъ Бенка хватилъ топоръ и бросилъ вверхъ; хотѣлъ топоромъ попасть въ тучу. «Мóлчи, скаже, бѣдной Бога нé убью»? (т. е. погоди, не убью ли я Бога)?

Эти дополненія сообщены намъ Иваномъ Аникѣевичемъ Касьяновымъ, крестьяниномъ Космозерскаго погоста. Это, говорилъ онъ, отъ достовѣрныхъ свидѣтелей предлагалось: девяноста лѣтъ старикъ разсказывалъ; онъ и теперь еще живъ.

не хочетъ Илья пророкъ, чтобы пришелъ я къ нему на гостибье. Смотрите, какой ли́вень послалъ, што изъ ведра; нельзя изъ дому вытти. Снесите ему отъ меня гостинецъ; далъ нѣсколько червонцевъ и молвилъ: молитесь и просите мнѣ милости пророка».

На другой день впередъ двинулись. По озерамъ и рѣкамъ—проѣздъ на плотахъ (по болотамъ и трясовинамъ—кладями); отъ Масельги до Повѣнца—сухія мѣста. Путь втымежъ широкая была, а нуньку заросла лѣсомъ и клади сгнили. Оставалась малая тропочка, да поѣхалъ въ Соловки какой-то французъ важной и его ради дорогу починили. По нынь въ народѣ пословица: «не дай Богъ ѣхать государевой дорогой».

II.

Разсказъ о томъ, какъ Петръ Великій хлопоталъ объ устройствѣ Маріинской системы.

Разсказъ этотъ показываетъ, что мысль о соединеніи волжскихъ водъ съ сѣверными не была кабинетнымъ вдохновеніемъ генія великаго Петра, а напротивъ, она была подсказана ему самимъ народомъ. Чрезвычайно любопытно, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ отнесся онъ къ этой подсказанной идеѣ и какъ быстро и энергично хлопоталъ о приведеніи ея въ дѣло. Вотъ народный разсказъ объ этомъ.

«Другожды Петръ I имѣлъ проѣздъ при деревнѣ Ше́стовой, черезъ Вянги ручей; ѣхалъ онъ въ Архангельскъ; почтовая дорога тутъ пролегала и теперь виднѣетъ. Крестьяна изъ окольныхъ мѣстъ собрались во множествѣ, видимо-невидимо, на горѣ, верста будетъ отъ деревни; день былъ гулярный. Намѣстный староста съ выборными на встрѣчу вышли съ хлѣбомъ-солью, какъ водится, по русскому обычаю. Выступилъ Петръ I изъ коляски; росту онъ высокаго, ученья великаго; хлѣбъ-соль принялъ и съ крестьянамы разговоръ держитъ: «Каково да вы крестьяна поживаете и за какой же у васъ промыселъ есть»? Тутъ крестьяна пословечно ему стали высказывать:

Близъ четырехъ верстъ ниже сего мѣста есть, надежа государь, пристань Вянгинская. Съ Бадогъ гужемъ хлѣбъ сюда возимъ, что идетъ снизу рѣкама Волгою, Шексною, Бѣлымъ озе-

ромъ и Ковжею. Съ Бадогъ до Вянги на судахъ ѣхать не можно, вода не сошлась, верстъ на 5, а далѣ на Вянгѣ быстрина, пороги до пристани.

Да строимъ още, государь, корабли мореходныи, гальеты, водовики и соймы, и съ Вянги ходимъ мы шкиперами по Онегу и по Свири и по Ладожскому, для себя и съ найму, и справляемъ хлѣбъ на Пудогу и Повѣнецъ, а больше въ рѣку Свирь и далѣ, въ окольныя селенія.

Пріудумался Петръ I, головой потряхиваетъ и видитъ: живутъ тутъ люди не слѣпцы, не по канату ходятъ, народъ смѣтливой, работной. Заложилъ себѣ это слово на умъ и поѣхалъ далѣ. Съ тыхъ поръ эта гора зовется «*[illegible]*», и на той горѣ — часовня и молебствіе бываетъ каждогодно въ день Сошествія св. Духа.»

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія еще живъ былъ сто-пятнадцатилѣтній старикъ Пахомъ, который былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ того, какъ Петръ I, скоро послѣ этой бесѣды, хлопоталъ уже о соединеніи этихъ водъ. Сѣдой, какъ лунь, этотъ старикъ подробно разсказывалъ, какъ царь, въ теченіи десяти дней, бродилъ по лѣсамъ и болотамъ и осматривалъ тѣ мѣста, гдѣ предполагалось соединить Ковжу съ Вытегрою. Пахомъ описалъ даже англичанина Перри и русскаго Кормчина, сопровождавшихъ при этомъ Петра, и указалъ то мѣсто, гдѣ царь отдыхалъ отъ усталости въ простомъ шалашѣ, сплетенномъ изъ древесныхъ вѣтвей.

Перри, по словамъ его былъ тученъ, не могъ ходить по болотамъ: его носили на жердяхъ, витвинами переплетенныхъ, а за ними нашивали мѣдное блюдце съ сквозными рожками, которое онъ ставилъ на распорки и, прищурясь однимъ глазомъ, сматривалъ по волоскамъ, натянутымъ въ сквозныхъ рожкахъ, а по тѣмъ волоскамъ велѣлъ ставить отъ мѣста до мѣста шесты и по шестамъ рубить просѣкъ. Такъ объяснялъ столѣтній старикъ астролябію, по которой Перри ставилъ румбы, пролагая линію канала. За нѣмчиною (такъ Пахомъ называлъ Перри) случалося носить мнѣ длинное *сквозильце*, въ которое тотъ сматривалъ, когда выходилъ изъ лѣсу на высокое или открытое мѣсто и оттуда видѣлъ, Богъ вѣсть, какъ далеко. Подъ сквозильцемъ Пахомъ разумѣлъ зрительную трубку.

Кормчинъ, говорилъ старикъ, былъ сухощавъ и часто курилъ табакъ; я принашивалъ ему изъ своей избы уголь раскуривать

трубку. Также какъ и нѣмчина, онъ, ходя по просѣкамъ, смотрѣлъ въ рожки мѣднаго блюдца и въ сквозильцо.

Разсказы Пахома о самомъ Петрѣ полны благоговѣнія. При каждомъ произношеніи его имени онъ подымалъ глаза на небо и прижималъ руку къ сердцу, присоединяя постоянно къ титлу государя эпитетъ *батюшка* или *надежа*. «А батюшка Государь, говорилъ Пахомъ, былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою. Онъ часто встряхивалъ своими черными волосами, а пуще когда бывалъ въ раздумьѣ. Надежа Государь не гнушался нашего житья-бытья; кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ [1].

На мѣстѣ, гдѣ, по указанію Пахома, былъ шалашъ Петра I, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей, стоитъ теперь памятникъ съ золотою надписью: «Зиждитель пользы и славы народа своего Великій Петръ здѣсь, помышляя о судоходствѣ, отдыхалъ на семъ самомъ мѣстѣ въ 1711 г. Благовѣйте сыны Россіи»!

III.

Близость Петра къ народу была дѣйствительно необыкновенна. Слова Пахома, какъ нельзя, правдивы. Онъ любилъ заходить въ крестьянскія избы и распрашивалъ крестьянъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, какъ на бесѣдной горѣ, и не рѣдко даже крестилъ у нихъ дѣтей. Въ одномъ семействѣ селенія Святозера до послѣдняго времени хранилась серебряная чарка, изъ которой Петръ пивалъ свою анисовую водку и которую онъ подарилъ своей кумѣ. Но вотъ о томъ подлинный разсказъ.

«Ѣхалъ Петръ I-й на свои чугунные заводы; въ Святозерѣ — остановка; лошадей перемѣняли. Зашелъ Петръ I-й въ избу и видитъ: суетятся, бѣгаютъ. Што, скаже, за бѣготня. Богъ дочку далъ, въ отвѣтъ ему хозяинъ. Ну, скаже, поздравляю, а меня проздравь съ крестницей. Посылайте за попомъ. Хозяинъ хотѣлъ было промышлять куму. Вотъ кума, скаже Царь; чего лучше, и кивае на старшую дочку. Пришолъ попъ; окрестили. Пошло угощенье. Водку на столъ подали. Петръ первый пошелъ въ свой небодань и добылъ оттуль свою чарку. Налилъ себѣ и выпилъ. Налилъ кумѣ и подчуетъ; застыдилась кума; не пьетъ.

[1] См. Памятную книжку Олонецкой губ. за 1869 и 79 гг.

Петръ I-й упрашиваетъ. Не ѣстъ. Выпей, говоритъ отецъ, не сѣвшись; ничего — вѣдь; коли царь проситъ, надо выпить. Дочь выпила и красѣетъ. Любо царю, што дѣвка зардѣла, и началъ онъ шутить съ ей и пуще стыдить. Снялъ съ шеи кожаный галстукъ и повязалъ на ейну шею дѣвочью; съ рукъ — нерцатки, долиной по́ — локоть и надѣлъ на ейны руки бѣлыя; затымъ пожаловалъ ей свою государскую чарку, на память, што водку пилъ.

А што мнѣ-кова крестницѣ дать! проговорилъ царь; ничего съ собой не прихвачено. Экая она безсчастная. Ну, скаже, въ другой разъ буду — не забуду.

Пріѣзжаетъ другожды на заводы съ государыней. «Я, скаже, здѣсь крестилъ у кого-то. Набъ бы пожаловать; оногда́сь ничего со мною не случилось».

Отыскали у кого крестилъ Петръ I й. Государыня наприсылала бархату, парчей и всякихъ бархатыхъ матерій, а онять-таки кумъ, а крестницѣ онять ничего.

Вотъ ужъ доподлинно, замѣтилъ разсказчикъ, не мимо идетъ царское слово; какъ назвалъ ее безсчастною, такъ и было. Государева крестница выросла, жила, а всю жизнь была кокоша горегорькая.

Упомянутая чарка въ настоящее время хранится въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ. Она имѣетъ видъ церковнаго ковша для принятія теплоты; на ней 12 чеканныхъ изображеній, 3 фантастическихъ цвѣтковъ; среди ихъ журавль съ изогнутою шеею.

IV.

Другой подобный разсказъ показываетъ, что благосклонность Петра возбуждала соревнованіе въ народѣ. Существуетъ пословица, распространенная по всей Россіи: «Вытегоры воры, у Петра Великаго камзолъ украли.» Благодаря этой пословицѣ, сохранился разсказъ о самомъ фактѣ, который послужилъ поводомъ къ ней.

Была стоянка въ Вытегорскомъ погостѣ; лошадей мѣняли; Петръ 1-й ходилъ на Вяпгинскую пристань; оборотя, пришолъ въ избу, началъ, собираться въ дорогу и хотѣлъ надѣвать свой камзолъ вдругъ выступилъ впередъ Гриша-простецъ, тамошній житель; за святого его почитали; рубилъ онъ правду и

злыхъ людей краснѣть заставлялъ. Палъ этотъ Гриша въ ноги Петру 1-му и говоритъ:

«Надежа-царь Государь! не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить».

«Говори, што тѣ надо, изрекъ царь. Дай-ко ты намъ, надежа-государь, этотъ камзолъ,—што по плечамъ откидываешь, сказалъ Гриша.

«А куда ты кладешь мой камзолъ? спросилъ Петръ 1-й.

Тутъ Гриша простецъ возотвѣтствовалъ: Себѣ, надежа-государь, и тѣмъ кто умнѣе и добрѣе на шапки, а шапки мы не токмо дѣтямъ, а и правнукамъ запасемъ, на память твоей къ намъ царя—батюшки милости.

Приглюбилось Петру 1 это Гришино слово и онъ подалъ ему свой камзолъ. «Добро, скаже. Вотъ тебѣ, Гриша, камзолъ; да смотри, не поминай меня лихомъ».

Взяли Вышегоры этотъ камзолъ и пошили себѣ на шапки. Завидно стало жителямъ сусѣднимъ и стали они говорить: «что вы-де камзолъ украли», и пронеслось это слово въ Москву, а изъ Москвы во всѣ города и съ тыхъ поръ стали звать Вытегоръ—«камзольниками»—Вытегоры-де воры, у Петра Великаго камзолъ украли.

V.

Любопытенъ въ томъ родѣ разсказъ о блаженномъ Ѳаддеѣ, который жилъ на Петровскихъ заводахъ и будто бы Петру великому былъ очень любъ и ходилъ къ нему во дворецъ «безвозбранно» когда хотѣлъ. Преданіе чтитъ Ѳаддея за то, что онъ провидѣлъ кончину Петра Перваго и предсказалъ ему о томъ.

«Ходилъ этотъ Ѳаддей въ черной одеждѣ, опоясанъ ремнемъ, съ желѣзнымъ посохомъ въ рукѣ. Въ послѣдній разъ Петръ 1-й имѣлъ разъѣздъ на заводы. Уѣзжаетъ онъ, и говоритъ на прощанье: «прощай Ѳаддей, въ молитвахъ поминай и на путь благослови». Ѳаддей отвѣчалъ: «Господь Богъ благословитъ вхожденіе и исхожденіе твое отнынѣ и до вѣка. Самъ плачетъ и слезы ронитъ: не бывать, скаже, не бывать, надежа государь, не бывать въ живыхъ. Царь замѣтилъ послѣднее слово и велѣлъ *обрестовать* юродиваго. На другой годъ, какъ пришла къ нему смертная немощь, онъ вспомнилъ о блаженномъ Ѳаддеѣ: послалъ гонца на Петровскіе заводы, приказалъ освободить отъ

ареста и производить ему, до смерти пенсіонъ. На иной годъ умеръ и самъ блаж. Ѳаддей.»

Могила этого Ѳаддея въ оградѣ Петрозаводскаго каѳедральнаго собора, — и благочестивые люди до нынѣ чтутъ эту могилу.

VI.

Но чѣмъ особенно великъ Петръ 1-й въ глазахъ народа, такъ это именно тѣмъ, что онъ «*на царскомъ тронѣ былъ работникъ*». Въ самомъ дѣлѣ, какое громадное впечатлѣніе на народъ долженъ былъ производить царь, который ходилъ пѣшкомъ по болотамъ, отдыхалъ въ шалашахъ, рубилъ бревна и т. п.!

«Часто ѣздилъ въ нашу лѣсную сторону Петръ 1. Гдѣ нынѣ-ко Петрозаводскъ (губернскій городъ), тутъ стояла только мельница съ избой. Пріѣхалъ Петръ 1-й и поставилъ тутъ заводъ чугунной, церковь во имя Петра и Павла и садъ насадилъ. Приде, скажутъ, въ заводъ и своима царскима рукама крицы дуетъ, а бояра уголье носятъ: въ молотобойню завернѐтъ и молотъ въ руки и желѣзо куетъ и это желѣзо, въ Питерѣ, скажутъ, у какого-то барина до теперь хранится. «Вотъ—оно царь такъ царь зачѣтный Щеголенковъ, даромъ хлѣба не ѣлъ: лучше бурлака работалъ».

Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этому разсказу?

Въ Ладейномъ Полѣ, гдѣ Петръ 1-й заложилъ собственными руками первый русскій корабль и гдѣ также поставилъ онъ церковь Петра и Павла, стоитъ теперь не большой памятникъ съ его изображеніемъ и надписью: «да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный *простымъ усердіемъ* воздвигнутый памятникъ.» Его поставилъ дѣйствительно простой человѣкъ, тамошній урожденецъ, купецъ Сафроновъ, по собственному побужденію и на собственныя средства.

VII.

Разсказъ о встрѣчѣ Петра I со шведскимъ королемъ на Ладожскомъ озерѣ

Разсказъ этотъ начинается прекраснымъ описаніемъ приволья и богатства Сѣвернаго края въ доисторическія времена. Свейскому королю приглюбилось это мѣсто такъ же, какъ и нашему царю Петру I. Великаномъ, богатыремъ, повелителемъ моря и вѣтра является здѣсь Петръ, какъ и въ разсказѣ о поѣздкѣ въ Соловки на богомолье. Онъ не хочетъ вступать въ борьбу съ Свейскимъ королемъ: онъ беретъ золотой рожокъ; онъ трубитъ во всѣ стороны громкимъ голосомъ—и вотъ, по зову его, собираются вѣтры въ тучу густую, расходились воды ярыя и затопили короля Свейскаго. Разсказъ этотъ въ художественномъ отношеніи такъ превосходенъ, что мы ничего не знаемъ подобнаго въ русской повѣствовательной литературѣ. По мѣстамъ мы можемъ приравнивать его только къ «Слову о полку Игоревѣ».

«Досюль,—еще насъ на свѣтѣ не было, да и дѣды дѣдовъ нашихъ не были, да на свѣтѣ не жили, а и народа-то на земли была малость-маленская,—цари въ ту-норъ дѣлили межъ собой свои владѣнія. Въ ты-то норы давнія, наше мѣсто **) ни завѣдомо было ни царемъ, ни бояриномъ, ни лихимъ человѣкомъ удалымъ; а въ лѣсу звиря разводилося: что ни кустъ—лисица съ куницею, что ни пень—медвѣдь съ волчицемъ; а и рыбы наплодилося—хошь рукой имай, аль карцомъ ***), чернай. Полюбилось то наше мѣсто—привольное царю свейскому. А и Петра русской царь запримѣтилъ, что ручьи у насъ глубокіе, рѣки долгія—широкія, а морямъ и нѣтъ конца, да и жить у воды способнія: снарядится самъ на поиски, на своей лодки крашеной, серебромъ пораскладеной, золотымъ рулемъ приправленой, съ боярами да вельможами. А Свейскій-то царь засмѣсвипился—не поѣхалъ самъ, а послалъ за себя начальниковъ въ полонъ забрать ему воду съ рыбою, и лѣса со звиремъ всякимъ, чтобъ владѣть ему по—вѣки. Ѣдетъ-катитъ Петра царь на поиски, по морю Ладожскому, на лодкѣ съ боярами да съ вельможами, а и самъ сидитъ въ кор-

*) Разсказъ этотъ записанъ однимъ изъ моихъ учениковъ, П. Мипорскимъ.
**) Мѣста при устьѣ Свири.
***) Простой ковшъ.

мѣ, золотымъ рулемъ поворачиваетъ, а стрѣчу ему какъ разъ и есть супостатъ, въ лодкахъ писаныхъ, съ шелковой покрышкой алою.

«Не ясенъ соколъ налетѣлъ на лебедь бѣлую, не лебедь смутилъ воду синюю: то летятъ, воду—рябятъ, лодки свейскія на цареву лодку крѣпкую, съ шумомъ, свистомъ порываючись; въ мелкой черень искрошить хотятъ цареву лодку дубовую. Не стерпѣлъ тутъ русскій царь, понасупился, очи ясныя поразсвѣтились и румянецъ сталъ во всю щеку; а и крикнетъ онъ баръ-вельможамъ своимъ: «поубавимъ что-ль спѣси у свейскаго царя? Силой ли сгубить ихъ, аль пустить съ бѣлымъ валомъ пучинистымъ»? Промолвили тутъ бо́яра: «а и что, царь, брать грѣха на́—душу, хоть и не крещеную, да человѣческую: а пусть они умрутъ отъ витра—сивера да валовъ разсыпчатыхъ». Лишь промолвили бо́яра, какъ тутотка взялъ царь—отвязалъ отъ ремня́ золотой рожокъ, протрубилъ на всѣ стороны громкимъ голосомъ.... Разносился голосъ по морямъ далекимъ, по водамъ темнымъ. Становилась вдругъ те́мень Божія, собиралися вѣтры въ тучу густую, расходились воды ярыя—валъ вала подталкиваетъ, гребни-вѣтры имъ подтягиваютъ. Налетѣлъ вѣтеръ, посрывалъ покровы алые, побросалъ платье по́—морю, а тутъ нагнала ихъ вода ярая—валъ живой горой идетъ-тянется, бѣлымъ гребнемъ отливается. Подошелъ тутъ первый валъ, припо́днялъ сто́имя лодки свейскія, а второй валъ понакрѣпилъ ихъ, а и третій—ужь какъ тутъ и былъ—захлеснулъ на вѣкъ начальниковъ. Разступилась вода на́—двое, ушли камнемъ въ топь глубокую—души грѣшныя, не крещеныя.

«Съ той поры давней на Ладожскомъ по кажинный годъ на томъ мѣстѣ топетъ человѣкъ—душа крещеная: собираютъ то силу утопшіе на войну съ Петромъ царемъ».

VIII.

Разсказъ о войнахъ Петра Великаго со шведами *).

Разсказъ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ знакомитъ насъ съ народнымъ воззрѣніемъ на отношенія Петра Ве-

*) Этотъ и послѣдующій разсказы записаны нами отъ Ив. Ан. Касьянова, а онъ слышалъ ихъ отъ крестьянина Сперова, которому разсказывалъ о томъ дѣдъ его, едва ли не современникъ Петра I.

ликаго къ патріарху и на значеніе церковнаго благословенія въ военномъ дѣлѣ. Петръ, несмотря на свое удачество, оказывается побѣдителемъ только послѣ того, какъ служитъ молебенъ и получаетъ на то благословеніе патріарха. Мѣткія черты сохранились въ народномъ преданіи и относительно Шведскаго короля Карла, съ которымъ воевалъ Петръ Великій.

«Однажды Петръ I поѣхалъ воевать со шведомъ и патріарху велѣлъ служить на́-скорѣ, а тотъ развелъ обѣдню на́-долго. Горяченъ былъ Петръ I: не могъ вытерпѣть, что растянулъ патріархъ службу долгую, не выждалъ конца и уѣхалъ въ походъ на шведа. И тотъ походъ его былъ ему несчастливъ: [illegible] онъ въ *обтокъ* и самъ едва спасся. Пріѣхалъ онъ домой съ горячностію и хотѣлъ патріарху изо своихъ царскихъ рукъ голову срубить. Патріархъ, въ усмиреніе его, встрѣтилъ его во всемъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ. Петръ I къ кресту приложился, закручинился и говоритъ патріарху: «Ахъ, старецъ, говоритъ, сгубилъ ты меня». Тогда старецъ ему въ отвѣтъ: «Царю! пошто ты не дождался окончанія литургіи и молебна: я бы, говоритъ, далъ тебѣ миръ и благословеніе, и былъ бы походъ твой сча́стливой и благополучной». И говоритъ Петръ I: «Да какъ же намъ теперь будетъ Россію спасать?... Нѣтъ у насъ орудій, ни мѣди нѣту, ни пушекъ». Тутъ патріархъ на это слово: «Не печалься, говоритъ, царю; это еще не бѣда, што пушки у насъ отняты: съ каждой колокольни, говоритъ, можно снять по колоколу и отлить орудія. За тымъ отслужимъ молебенъ и я дамъ тебѣ миръ и благословеніе, и Господь пособитъ тебѣ покорить Шведовъ». Такъ и было сдѣлано. Какъ патріархъ отпустилъ его съ благословеніемъ, тогда онъ побѣдилъ шведа и разбилъ Карлу: Карло не зналъ куды дѣться и убѣжалъ въ Англію. И пишетъ туда Петръ I: «выслать оттуды Карлу!» Какъ стали его оттуда посылать, вынуждать къ ѣздѣ, онъ трехъ человѣкъ своима рукама убилъ. Дѣло дошло до Петра I. Услыхалъ онъ это, усмѣхнулся и рукама *сплеснулъ* о стегна: «ахъ, Карло Карло, говоритъ,- гдѣ ни ходитъ, а вездѣ воюетъ». Карло былъ широкой, росту средняго, плечистой, настоящій былъ воинъ, да на воина попалъ: Петръ I ему не уступалъ.

IX.

Разсказъ о томъ, какъ Ладожскій каналъ копали.

Настоящій разсказъ показываетъ, что Петръ Великій, преслѣдуя будущее благо государства, не щадилъ наличныхъ силъ и даже самой нравственности народа; настоящаго—для него не было, онъ жилъ только будущимъ.

«Покуда Ладожскую канаву копали, пашпортовъ ни съ кого не спрашивали: всякое званіе приходи и копай. Многіе разжились и розбогатѣли. Пріѣзжаетъ однажды Петръ I на канаву и видитъ: народъ копаетъ въ большомъ уборѣ, въ нарядѣ и красѣ-басѣ. «Ай-да, говоритъ, молодцы; знаютъ денежекъ нажить». А тутъ капиталовъ стало мало хватать на канаву, и взять негдѣ. Тогда Петръ I умысли на каждой верстѣ сдѣлать кабакъ. Чрезъ нѣсколько времени опять пріѣзжаетъ онъ на канаву и видитъ этыхъ же самыхъ ко́пальщиковъ въ самыхъ худыхъ одежахъ; другіе даже въ кульяхъ рогожаныхъ ходятъ и работаютъ. Разсмѣялся Петръ I, сплеснулъ рукама и говоритъ: «ай-да молодцы! знаютъ денежекъ нажить, да умѣютъ и прожить». И объ этомъ поется пѣсня до настоящаго времени:

Мы канавушку копали,
Все ю проклинали;
На канавушку на ко́няхъ,
А съ канавушки-то пѣша.

КАБИНЕТ КАРЛА МАРКСА при Томском Рабфаке

Изъ V книжки журнала «Бесѣда», 1872 года.

Томский Гос. Университет им. В. В. Куйбышева
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

148476
Томский госуниверситет 1878
Научная библиотека 00691994